

ПРОРЫВ НА ВОСТОК

Эдвард Аллворт

**Россия: прорыв на
Восток. Политические
интересы в Средней Азии**

«Центрполиграф»

УДК 94(367)
ББК 63.3(543)

Аллворт Э.

Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии
/ Э. Аллворт — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5196-4

Средняя Азия – особый регион, важнейшая часть исламского мира и географическое звено между Западом и Востоком. Неразрывные узы, уходящие корнями в глубину веков, связывают Среднюю Азию с Россией. Влияние России на Среднюю Азию, продиктованное политическими интересами, было исключительно сильным. Возникшим в результате этого отношениям – политическим, экономическим, социальным, интеллектуальным и культурным – посвящен данный труд, который считается среди знатоков классическим. Это не только источник самой разнообразной полезной информации, но также и чрезвычайно занимательное историческое чтение, передающее динамику противоречивого, драматического и неизбежного взаимопроникновения двух мощных культур – российской и азиатской.

УДК 94(367)
ББК 63.3(543)

ISBN 978-5-9524-5196-4

© Аллворт Э.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Военные набеги	11
Торговая экспансия	16
Рабы и пленники	21
Культурный и интеллектуальный обмен	24
Дипломатические отношения: ханства	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эдвард Аллворт
Россия: прорыв на Восток.
Политические интересы в Средней Азии

Edward Allworth
CENTRAL ASIA
130 Years of Russian Dominance

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

Предисловие

Благодаря своим экстраординарным культурным традициям Центральная Азия представляет особый интерес для сведущих людей. В течение нескольких веков до XX столетия Центральная Азия считалась ведущей цивилизацией, оплотом ислама, важным звеном торговых путей. Географическое положение этого региона обуславливает его огромную значимость для связей Запада и Востока. Речь идет об отношениях между Россией, Китайской Народной Республикой (КНР) и Южной Азией. Тем не менее он по-прежнему разделен политически на три основных сегмента – Восточный (Китайский) Туркестан, Западный – бывший Российский (включая Казахстан) и Афганистан.

Исследование ситуации в Западном Туркестане¹ – секторе с самым большим населением Центральной Азии – после длительного доминирования России отвечает на нижеследующие важные вопросы:

1. До какой степени и насколько прочно изменило жизнь народов этого региона иноземное присутствие и влияние?
2. Насколько его народы лишились или изменили свое чувство региональной идентичности?
3. Почему имеет значение вопрос сохранения или утраты этим регионом своего особого характера?

В поисках ответов в книге анализируются изменения в некоторых видах искусств, культуре, демографии, экономике, истории, языке, политике и сопутствующих областях. Проводится различие между естественным и вынужденным развитием, выявляется чувство общности, несмотря на огромную разнородность человеческих ресурсов и разнообразные политические влияния в течение продолжительного времени.

Такой подход делает упор скорее на схожесть, все еще очевидную, чем на различия, а также на перспективы данного региона. В этом смысле книга послужит для читателей содержательным источником полезной информации.

Проблемы Средней Азии сейчас, как никогда раньше, настойчиво пробиваются на страницы мировой печати.

В ответ на возросший интерес к ее культурным и политическим событиям колледжи и университеты Европы, Северной Америки и некоторых стран Ближнего Востока добавили к своей деятельности соответствующие программы и курсы лекций. Возникла большая потребность в серьезных образовательных материалах. Хочется надеяться, что данная работа окажется востребованной.

Доброжелательность и ценные идеи Валери Милхолланд из издательства «Дьюк юниверсити пресс» заслуживают особой благодарности в связи с реализацией данного издательского проекта. Хочу особенно поблагодарить Роберта Аустерлица, Артура Боннера, Кассандру Кавено, Хильду Айцен, Лесли Кауфман, Роберта А. Льюиса, Марту Мерилл, Мунаввара Олгуна, Элеонору Омерову, Питера Синнотта, Шахрбану Таджбахш, Малихе Тирелл, Элизабет Фалькенер и Ибрагима Юксея за их любезные советы и предоставление важных источников. Необходимо отметить, что ряд ученых Каракалпакии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана внесли свои чрезвычайно ценные замечания. Хочу сказать спасибо им и другим коллегам.

Кроме того, я признателен замечательным сотрудникам справочного отдела библиотеки Колумбийского университета, особенно Вальтеру Барнарду, Элизабет Бреннан, Майклу Штолтеру, Роберту Скотту и Саре Х. Сперджин; сотрудникам славянского отдела Публичной биб-

¹ Далее этот регион в большинстве случаев называется Средняя Азия. (Здесь и далее примеч. пер.)

блиотеки Нью-Йорка Роберту Дэвису и начальнику отдела Эдварду Касинецу, а также коллегам из ближневосточной секции Библиотеки Конгресса Ибрагиму Пурхади, Кристоферу Мерфи и начальнику секции Джорджу Атийе.

Выражаю свою искреннюю признательность Ричарду Буллитту, Барнету Рубину и четырем успешным выпускникам Колумбийского университета, а также сотрудникам Института Мира США.

И, конечно, я благодарен жене, Жанет Ловетт Аллворт, за многие полезные советы и поддержку в работе.

Эдвард Аллворт

Часть первая

Борьба двух цивилизаций

Глава 1

Столкновение

Когда русские войска штурмовали на рассвете 15 июня 1865 года мусульманский Ташкент, капеллан А. И. Малов из 4-го Оренбургского линейного батальона ворвался первым через Камаланские ворота. Русский православный священник, получивший от командования Георгиевский крест за отвагу, возглавил передовую штурмовую колонну с криками «Ура!» и, держа перед собой церковный крест, взывал к атакующим солдатам во имя христианства. Падение Ташкента, первого крупного города в Средней Азии, захваченного царскими солдатами, ознаменовало новый, междоусобный период в отношениях с Россией и послужило предзнаменованием неминуемого конца недавнего независимого религиозного, экономического, военного, культурного и дипломатического взаимодействия, начавшегося тысячу лет назад.

Бой у ворот Ташкента отнюдь не являлся первым духовным контактом между Средней Азией и Россией, ибо религия, очевидно, способствовала официальным отношениям, связывающим стороны. Предположительно в 986 году киевские князья зондировали почву для своего обращения в ислам в Хорезме; шах выразил предварительно свое удовлетворение желанием русских принять ислам, одарил их богатыми подарками и послал одного из своих имамов обучить их исламским установлениям. Эти русские, свидетельствовали без иронии мусульманские историки, стали мусульманами благодаря «желанию обрести право вести войну за веру». Однако князь Владимир, согласно древнеславянской версии этой истории, отверг в 986 году учение мусульманских проповедников, заявив, что обрезание и неупотребление свинины и вина ему неуютно. Если, как соглашаются исламские и русские предания, посланцы из Азии и имели шанс распространить ислам, то они не смогли обратить русских в свою веру на данном решающем историческом этапе и таким образом упустили колоссальную возможность использования религии для привязки этой крупнейшей славянской народности к Востоку вместо Запада.

Хотя вопросы веры всегда окрашивали отношения между русскими христианами и мусульманами Средней Азии, по крайней мере до падения Ташкента религия никогда не являлась первоочередной проблемой в отношениях между сторонами, никогда не предпринимались «крестовые походы» с единственной целью обратить в иную веру население, проживавшее на конкурирующей территории. Это обуславливалось, видимо, тем, что после принятия Россией христианства Средняя Азия доминировала в ней лишь в качестве придатка монгольских властей в третьей четверти XIII столетия, а монголы в то время не желали распространения ислама в России. Вскоре после того, как крах Золотой Орды в XV веке позволил царям раздвинуть границы своей территории в направлении Сибири, Россия начала продвижение в сторону недавно образовавшегося ханства, союзного Бухаре. Хотя русских привела туда не антипатия к мусульманам, это преднамеренное предприятие стало для двух сторон религиозным состязанием, так же как первой пробой политических сил, настроившей азиатское ханство против Москвы.

Бухарский хан Абдалла (правление 1557–1598) отправил в 1572 году в Сибирь религиозную миссию с целью укрепления ислама, а в 1598 году в послании своему протектору, сибирскому хану Кучуму (пр. 1563–1598), еще раз подчеркнул религиозное значение защиты Сибири от русских: «Врагами нашей веры в настоящее время являются кафиры [русские]... тебе нужно

заклучить мир [с местными азиатскими вождями] и подумать о том, чтобы снова изъять твои земли из рук кафи́ров. Если ты не понимаешь этого сейчас... то останешься бессильным перед кафи́рами».

Кучум и Абдалла умерли вскоре после составления этого послания, а Россия продолжила поглощение Сибири, и хотя это столкновение создало напряжение в отношениях между Бухарой и Москвой, оно не воздвигло религиозных барьеров для дальнейшего общения.

Несмотря на отдельные конфликты между «верующими» и «неверными», как называли друг друга представители обеих религиозных конфессий, религия с самого начала стала важным государственным вопросом в отношениях между Россией и Средней Азией в связи с паломничеством и заключением браков. Эти ситуации sporadически повторялись в период, когда Астраханское ханство подчинилось России в XIV столетии и далее из-за русской оккупации через три столетия. Наиболее удобные пути для паломников из Средней Азии в Мекку проходили прямо через Персию, но они блокировались враждебными мусульманами шиитского вероисповедания, и теперь для суннитов была закрыта основная альтернативная дорога через территорию татарского Астраханского ханства. Поэтому мусульманам приходилось добиваться разрешения проходить по территории, удерживавшейся Россией, чтобы совершить продолжительное путешествие через Черное море в Стамбул, а оттуда в Мекку. Дипломатическая почта в Россию из Бухары и Хивы, особенно в XVII и XVIII веках, часто содержала просьбы об обеспечении беспрепятственного прохода мусульман в их Священный город. Как правило, русские неохотно давали такое разрешение. До указа Екатерины II от 9 мая 1780 года позиция царствующего дома относительно связей между мусульманскими странами оставалась негативной: «Одним из политических правил было... блокировать связи с единоверцами, как для мусульман, проживающих в границах империи, так и для мусульман, не являющихся подданными [России], населяющими Великую Татарию, через данную территорию, с Крымом, Кубанью и Оттоманской Портой».

Отношение России к мусульманству изменилось к концу десятилетия. Императрица дала ход программе обращения в ислам казахов, используя на равнинах казанских татар в качестве миссионеров. Их деятельность была призвана ослабить влияние в регионе бухарских мулл. Несмотря на упорное сопротивление реализации этой программы со стороны казахов, такой татарский прозелитизм успешно продолжался при официальной поддержке царских властей.

Несмотря на подобный поворот во внешней политике России, который спровоцировала просьба, переданная в 1780 году бухарским правителем Абул Гази (пр. 1758–1785) через своего посланника в Санкт-Петербурге муллу Ир Назар-бека Максудова, от русских властей не поступило ответа на запросы о свободном проходе паломников через Россию. Они продолжали относиться сдержанно к каждому такому обращению. Министр иностранных дел России граф К. В. Нессельроде мог в 1842 году только потянуть время с ответом хану Коканда Шир Али (пр. 1842–1845) по аналогичному запросу. «Считаю необходимым заявить вам, что прохождение паломников может не ограничиваться подданными Коканда, но также относиться к жителям других азиатских владений. Следовательно, возникает необходимость более широкого предварительного взгляда на этот вопрос, и когда будут найдены средства удовлетворения этой петиции без ущерба существующим в России полицейским правилам, власти Коканда будут извещены... Однако из уважения к вашей личной просьбе в прошлом году было дано разрешение прохождения через территорию России Мухаммаду Шариф Ходжа Касиму Ходжа-оглы».

Другая религиозная проблема, часто поднимавшаяся в дипломатической переписке, – браки между жителями Средней Азии и российскими подданными – возникала из-за затягивавшегося пребывания в России азиатских купцов, которые обычно брали в жены татарских и башкирских женщин. Упрямство царских властей, которые запрещали азиатам забирать с собой мусульманских жен и детей в Хиву или Бухару, вызывало поток официальных петиций с просьбами разрешить этим семьям эмигрировать. Авторам петиций отказывали скорее не по

религиозным соображениям, а из-за нежелания позволить людям ускользнуть из-под российского государственного контроля.

Такое положение сравнимо в некотором отношении с проблемой тех русских, которые прожили всю жизнь рабами в Бухаре и Хиве, нередко принимали ислам и женились на местных девушках. Вероотступничество – смертный грех по канонам ислама – также противоречило и канонам русского православия, обращение в которое для мусульманина было хуже, чем обращение в язычество. Для русских церковных иерархов, имевших сильное влияние в правительственных учреждениях, потеря любого русского, который стал мусульманином (*обасурманился*) до такой степени, что отождествлял свои интересы с мусульманской общиной, была особенно огорчительной. А усилия русских по освобождению соотечественников из рабства были очень рискованными. То, что русские вероотступники временами служили двойными агентами против русских дипломатов, пытавшихся завербовать их для разведывательной работы в Бухаре или Хиве, подтверждал посол Петра Великого Флорио Беневени. Он докладывал, что русский, обращенный в мусульманство, знавший о деятельности дипломата в Бухаре, однажды раскрыл тайного курьера Беневени к хивинским властям.

После 1800 года, видимо, ни один повод, касавшийся Средней Азии, не возбуждал общественного негодования в России больше, чем воображаемая судьба христиан под «варварским» гнетом и чувство священного долга по их освобождению. Весьма вероятно, что национальная гордость, как и благочестие, являлись для официальных лиц мотивами особого внимания к судьбе русских пленников в Хиве. Религиозный фанатизм, которого Россия всегда справедливо или несправедливо опасалась в Бухаре, древнем мусульманском религиозном центре, вспыхнул сразу после вторжения царских войск, но еще раньше он разразился в наиболее опасной форме в Кокандском ханстве, расположенном южнее Хивы и Бухары.

Жестокий хан Коканда Алим (пр. 1800–1809) после подчинения большинства соседних территорий, присоединения их к своему владению и замирения с другими азиатскими соседями определил, кто был его реальным врагом. В конце своего правления, осознав, что царская Россия является главной угрозой власти Коканда, как и независимому существованию исламской Азии, Алим-хан заявил: «У нас нет более опасных врагов на этих землях, кроме неверных русских. Теперь нам надлежит проводить кампании во имя ислама, газават, так же как джихад против этого нечестивого стада, и опоясаться боевым поясом в борьбе против них».

Следуя такому предписанию, его наследники укрепили северную границу Коканда, прежде чем русская и кокандская армии не пришли во взаимодействие. Религиозная война, провозглашенная Алим-ханом, отсрочилась почти на два десятилетия, до тех пор, пока противники не определили общие границы и пока не возросла их взаимная неприязнь.

Шагом в этом направлении стал отказ российского МИДа послу Коканда ходже Миркурбану посетить Петропавловск в 1831 году. Отказ допустить посла на территорию России вызвал негодование и призыв кушбеги Ташкента к казахам Среднего джуза и к Коканду вести войну за веру против неверных русских. К священной войне подстрекала также мусульманская Турция в связи с ее конфликтом с Россией в 1828 году и в связи с напряженностью в начале 1860 года, особенно после захвата Россией Токмака.

О джихаде снова широко возвестил полководец, мулла Алимкул, который после уведомления в 1864 году о том, что его войска окружили значительные силы русских у Ак-Булака к северо-востоку от Ташкента, отдал своим подчиненным приказ в принятой у мусульман манере: «...вступить с ними [русскими] в переговоры... Если они примут ислам и расскаются в своих действиях, то к ним следует проявить доброту и оставить целыми и невредимыми. В противном случае я сам приду... со всеми своими войсками и артиллерией и обращу их в пыль и пепел силой своего меча».

В результате столкновения был убит или ранен каждый пятый солдат, прежде чем русский отряд сумел вырваться из окружения.

Военные набеги

Таким образом, к окончанию спора между Кокандом и Россией перед захватом Ташкента раздор принял характер священной войны. Он принял форму мелких столкновений и нескольких крупных сражений, в которых, однако, религиозные соображения играли не главную роль. В самом начале, в IX веке, противоборство происходило в виде грабительских рейдов, затеваемых с русской территории славянами или скандинавами с восточного побережья Каспийского моря. Часто на стороне русских в битвах участвовали хазары, болгары или половцы (куманы).

Аналогичным образом тюркские кочевники равнин составляли мощную силу армий хана Батия, вторгшегося на территорию Руси между 1237 и 1240 годами. А к концу XIV века русские снова оказались вовлеченными в битвы, когда Тимур (Тамерлан) (пр. 1370–1405) и его воины сокрушили Золотую Орду с ее славянскими отрядами. Эти сражения имели место в Северном Хорезме и Южной Руси. После падения Золотой Орды и образования отдельных ханств военное противостояние Русского государства и Средней Азии хотя и продолжалось, но в меньшем объеме. Это происходило до тех пор, пока их отношения не приняли новый оборот, когда русская южная граница, сократившаяся под давлением кочевников в XI и XII веках, продвинулась далеко на юг.

Предтечей экспансии на юг стали казацкие поселения, которые подготовили почву для прямых военных действий против Средней Азии с форпостов в районе реки Яик (Урал). Из этой пограничной зоны совершались кровавые набеги. Атаман Нечай Старенский с яицкими казаками в ходе внезапного нашествия 1603 года проникли в центр Хивинского ханства, где захватили и разграбили столицу Ургенч, но затем их окружил Араб Мухаммад-хан I (пр. 1602–1621). После кровопролитного сражения казаки сумели вырваться и вернуться домой с захваченными женщинами и трофеями. Имеются сведения, что в том же веке казаки дважды подвергались истреблению, когда пытались совершить такие же набеги.

В отличие от внутреннего замирения в России в Средней Азии усилилась междоусобная борьба. В XVII и XVIII веках создалась обстановка, когда нельзя было ожидать, чтобы с территории ханств предпринимались сколько-нибудь эффективные военные вторжения на территорию России. И создатель империи Петр I стал проявлять интерес к экспансии на юг. В результате российские власти тщательно спланировали военную экспедицию, выдававшуюся за дипломатическую миссию в Хиву.

В 1717 году русский отряд численностью 3500 человек, преодолев немалые трудности и пустыню, достиг Хивы. Он был разгромлен, а немногие оставшиеся в живых казаки попали в пожизненное рабство. Этому фатальному для русских походу под командованием Александра Бековича-Черкасского предшествовали в 1716 году попытки построить первые русские крепости на побережье залива Тюб-Караган на восточном берегу Каспийского моря, а также южнее, вблизи места, которое называется сейчас Красноводск. Разгром русских под Хивой заставил их покинуть эти форпосты, и экспансия Петра в Азию прекратилась.

Более эффективным стал русский поход во время военной кампании 1715 года под командованием полковника Ивана Бухгольца во главе отряда примерно в три тысячи человек. Он прошел вдоль реки Иртыш от Тобольска к Ямыш-озеру, где была построена крепость. Попав там в осаду калмыков под водительством Черин-Дондука, русский отряд покинул крепость, лишь 700 человек из него смогли отступить к устью реки Ом. Здесь в 1716 году потрепанный отряд основал крепость, которая позднее превратилась в город Омск. Бухголец, как Бекович-Черкасский в Хиве, погиб во время похода.

Лишь через два года был воздвигнут форт Семипалатинск, а в 1720 году подобная крепость появилась в Усть-Каменогорске. Новая пограничная крепость Оренбург была сооружена

в 1735 году на том месте, где сейчас стоит Орск в устье реки Ор. К 1743 году крепость переместилась на запад к своему нынешнему положению у слияния рек Урал и Сакмара. Троицк был основан в том же году, когда Оренбург занял свое второе место, а через десять лет был заложен Петропавловск (1752).

Теперь граница между Россией и Азией на большом протяжении была обозначена. Поворачивая на западе к древнему городу Астрахань, Яицкому городку (Уральску), основанному в 1620 году, и Гурьеву, построенному в 1645 году, эта граница напрямую сокращала старую границу, проведенную по линии Уфа – Тобольск – Сибирь, обрезав края азиатских соседей на всем пути от севера каспийского побережья к китайской границе. С этих пор, сочетая военное давление с дипломатической активностью, русские повели наступление, имевшее целью нарушить хрупкое равновесие между недостаточно хорошо скоординированными из единого центра частями оборонительной системы противника. Кочевые казахи, киргизы и туркмены формировали внешнее кольцо подвижной обороны жизненно важного ядра ханств, расположенных в середине и являвшихся прочным фундаментом, на который кочевники могли опираться или отдаляться в определенных ситуациях. Казахи и туркмены, занимавшие периметр, разделяли неприязнь к нападавшим русским с Хивой, Бухарой и Кокандом, которые во многих случаях снабжали кочевников всем необходимым, чтобы поддерживать оборонительную систему в боевом состоянии.

Цель наступления русских состояла в ликвидации и дезорганизации важных частей всей системы. Русские начали действовать в соответствии с этой необходимостью, когда их новые передовые посты оказались в постоянном соприкосновении с азиатами. В течение XVIII века русские трудились на строительстве серии укреплений по линии Яик – Оренбург – Ишим – Иртыш, которые консолидировали оборону России против нежелательных набегов казахских всадников и тем самым облегчили подготовку к своему дальнейшему продвижению. В систему этих линий вошли 46 фортов и 96 редутов.

Царские войска пережили кратковременные трудности, когда многие казахи присоединились к Емельяну Пугачеву в борьбе против царской власти в 1773–1774 годах, захватив Гурьев, Петропавловск, Троицк и осадив Оренбург. Но после этого русские войска двинулись на юг именно с этих баз. Они жестоко подавляли сопротивление казахов в первой половине XIX века и поменяли на вражду значительную часть доброй воли, которой отличались их прежние дипломатические усилия.

Примерно с 1836 по 1846 год султан Кенесары Касымов (1802–1847), некогда союзник русских, стал их наиболее ярким противником на равнинах Казахстана. В этот период у казахов накопились бесчисленные обиды против русских, и способный военный предводитель Кенесары Касымов не только возглавил сопротивление казахов, но и обличал несправедливости, которые терпел его народ от царизма. В жалобе председателю Пограничной комиссии Оренбурга в июне 1841 года Кенесары Касымов представил причины своего сопротивления таким образом: «По примеру предков наших, хана Аблая, принявшего присягу на верноподданство Великому Государю Императору, мы располагались кочевьем на Исель Нуре, уповая на Бога и не беспокоясь ни о чем, как только о спокойствии нашего народа, но вдруг грянул на нас гром следующим образом... В 1825 году... Султан Ямантай Букеев... наговорил на нас начальнику Каркаралинского приказа Ивану Семеновичу Карначеву, который, выехав с 300 русскими и 100 человеками киргизов... разбил аулы султана Саржана Касымова... и наградил бесчисленное множество скота и имущества и убил 64 человека, остальные же спаслись бегством. В 1827 году... 200 человек под начальством майора Мингряву разбили аулы отрядов Алике и Чубуртпалы, убили 58 человек и разграбили бесчисленное имущество... В 1830 году... команда... убила 190 человек... В 1831 году... команда в 500 человек под начальством подполковника Алексея Максимовича... убила 450 человек и увезла дитя Саржана [Касымова]... В 1832 году... команда в 250 человек под начальством Петра Николаевича Кулакова... убила

60 человек... В 1836 году... 400 человек под начальством майора Тинтяка... убили 250 человек... В 1837 году... 400 человек под начальством Ивана Семеновича Карпачева разграбили аликинцев, калкамановцев и туртуловцев и убили 350 человек».

Границы с Азией, 1801, 1864 гг.

Кроме этих бесчинств, Кенесары Касымов указывал в своей жалобе, что в 1838 году в ходе четырех карательных экспедиций под командованием русских или казачьих царских офицеров в составе разных отрядов общей численностью 1600 человек было разорено и разграблено несколько тысяч казахских деревень, убито 854 человека и похищено более 180. В 1840 году царские войска разграбили аулы султана Саржана, убили 70 человек, увели в плен 20 женщин и угнали 2300 лошадей, 300 верблюдов, три тысячи баранов и 100 голов рогатого скота. В том же году в ходе двух других набегов русских общей численностью 900 человек было разграблено шесть казахских становищ, убито 111 человек, захвачено 20, уведено тысячи овец, коров и верблюдов.

В то время как Кенесары Касымов и русские продолжали войну, царское командование в Оренбурге, раздраженное открытой поддержкой Хивы сопротивлению казахов и забыв старый урок, преподанный казакам в XVII веке и Бековичу-Черкасскому в XVIII веке, снова разработало план похода на Хивинское ханство. Правители России выдвинули удобные предлоги для оправдания своих агрессивных действий и предприняли полномасштабное наступление в 1839–1840 годах.

Хотя последовавший разгром привычно оправдывался снежными бурями, в которые попала армия, известно, что кампания под водительством хорошо знакомого с регионом генерала В. А. Перовского была предусмотрительно запланирована на зиму, чтобы избежать чрезвычайной летней жары. Она могла достичь своей цели и исход битвы считался бы делом решенным, если бы хивинцы и их немногие туркменские и казахские союзники не воспользовались проблемами русских в транспортировке и снабжении. Они подготовили серию партизанских

акций, умело проведенных летучими отрядами, которые сожгли русские корабли со снабжением из Астрахани, как и рыбацкие лодки, стоявшие у форта Ново-Александровск на Каспии, угнали овец, необходимых в качестве продовольствия, захватили царского офицера по снабжению и его караван, серьезно уменьшили количество конфискованных у казахов кочевников верблюдов, которые требовались для доставки провизии авангардным колоннам русских. Эти потери плюс ущерб, нанесенный плохой погодой, заставили русских, не одолевших и половины пути до цели, начать 1 февраля 1840 года отступление.

Под впечатлением этой неудачи Россия отправила позднее новые карательные подразделения для подавления вроде бы дружественных казахов, которые отказались содействовать походу царских войск на Хиву. Поскольку самого Кенесары соперничающие киргизы затравили и убили, Россия, которую больше не сдерживало широкомасштабное казахское сопротивление, построила новую линию укреплений посреди равнин, начиная на западе с форта Ново-Александровск, сооруженного в 1834 году на побережье Каспия и перемещенного в 1846 году в новый пункт побережья. Русские быстро соорудили крепости в Иргизе (1845), Тургае (1845), Алатау (1846), Раиме (Арал – 1847), Копале (1847).

В то время как казахи переживали тяжелые испытания, а царская армия прочертила новую линию фронта, на юге поднималась новая сила, готовая противостоять наступлению русских. Примерно с начала XIX столетия, когда на казахских равнинах и в других местах падало влияние Хивы, а также усиливались беспорядки, Коканд планомерно продвигал на север свои границы. На пике могущества ханства в этом веке цепь его крепостей распространилась за Акмешит, построенный в 1817 году, и включала Чин-Курган, Кумиш-Курган, Кош-Курган, Джулек и Яни-Курган. Они строились после крупных завоеваний Коканда в 1814 году. Новые кокандские крепости появились также к северу от Голодной степи на реке Сарысу в деревне Караджар, а также в селении Юрт-Кулак в 79 милях вниз по реке. Хотя в 1832 году русские атаковали и разрушили обе эти маленькие крепости, кушбеги Ташкента построил через два года другую, более мощную крепость в горах Алатау, с которой досаждал русским и подстрекал казахов к сопротивлению.

В середине века главные противники стояли напротив друг друга, и именно в 1850 году кокандцы стали оказывать нажим на местных казахов, которые сотрудничали с русскими. Центром таких действий стал Акмешит, откуда регулярно выступали сильные отряды. В начале марта 1852 года Якуб-бек, будущий правитель Кашгара, во главе отряда из 1700 всадников, следовавших вдоль реки Сырдарья для преследования «русских» казахов, вступил в ожесточенное сражение с карательным подразделением русских. Одержав ряд побед, кокандцы умчались в свои небольшие неохраемые укрепления в пустыне. После другого столкновения на Сырдарье с кокандцами в апреле 1852 года разведывательный отряд царских войск из 80 солдат был вынужден отступить. В ответ на решительные действия Якуб-бека генерал Перовский приказал отправить из крепости Раим усиленный отряд совершить внезапное нападение на Акмешит, являвшийся мощной передовой крепостью Коканда, и разрушить ее. В отсутствие Якуб-бека яростным отпором нападению русских 20 июля 1852 года руководил Батыр-Басы. Он отбросил русских, нанеся им тяжелые потери. В этом сражении, как и во многих последующих боях между войсками России и Коканда, царские войска значительно превосходили кокандцев в живой силе и вооружении. В Ак-Мечети, например, гарнизон защитников составлял всего 50 солдат и около ста торговцев.

Соотношение нападавших и защитников можно сравнить с численностью населения в двух регионах. По некоторым оценкам, в начале XIX века население России составляло 60 млн человек, а население данной азиатской территории было 5–6 млн. Более всего поражает то, что Хива, которую Россия считала своим заклятым врагом, являлась самым маленьким из трех ханств и самым бедным. К концу XVIII века население Хивы, по оценке одного русского дипломата, не превышало 400 тыс. человек из расчета четыре человека на хозяйство. А в 1842 году,

вскоре после неудачной попытки завоевательного похода русских, другой царский посол, который тщательно изучил оседлое население ханства, сообщал о его общей численности 300 тыс. человек. Число жителей, населяющих город Хиву и окрестности, согласно церковно-приходской переписи, проведенной около 1858 года, года последней официальной дипломатической миссии в ханство, составляло менее 18 тыс. человек (4493 хозяйства).

Коканд был гораздо более населенным городом, чем Хива, но численность населения или противостоящих армий не являлась решающим фактором победы. Важнее были положение ханств и наличие у их обитателей оборонительных средств, которые могли противостоять тяжелому вооружению русских. В открытом столкновении, когда ханские воины подвергались массированному огню русских, особенно картечи, местные войска несли огромные потери, подобные которым штурмующие русские колонны не могли себе позволить, и было бы неверно изображать мусульман, как иногда делают некоторые исследователи, трусливо бегущими от русских. Героизм при наличии ужасающего неравенства сил в пушках и пехотинцах, как в Акмешите, проявляли как раз азиаты. Русским не было причин бояться оружия соперников. Тем не менее русские командиры, приобретшие значительный опыт в войнах с поляками, венграми, англичанами, французами, турками, персами и кавказскими горцами, часто не могли использовать его в Азии.

Но, несмотря на боевой дух хивинцев и кокандцев, превосходство русских в вооружении, организации и, вероятно, в физической подготовке постепенно склонило военное противостояние в пользу царя. Например, через год после победы Батыра-Басы русские войска со второй попытки взяли 28 июля 1853 года крепость в Акмешите, пользуясь преимуществом в численности в соотношении десять к одному и только после того, как были убиты ее комендант Мухаммад Вали и 230 из 300 защитников в течение четырех недель жестокого сражения. В этом повторном сражении русские войска под командованием генерала Перовского имели 17 орудий и были поддержаны огнем с парового катера «Перовский», пришвартованного у берега реки. Но и они потеряли 164 солдат и офицеров убитыми или ранеными.

После падения Акмешита Коканд продолжал оказывать сопротивление наступлению русских, в то время как в степях после гибели Кенесары Касымова Младший казахский жуз возглавил Есет Котибарулы. Казахами в нижнем течении Сырдарьи предводительствовал Жанкожа Нурмухамедулы (погиб в 1860 г.), который после запрета соплеменникам снабжать верблюдами русские войска, наступавшие в 1853 году на Акмешит, снова вступил в открытый вооруженный конфликт с ними и их казахскими марионетками. Есет Котибарулы восстановил связи с Хивой на западе, а русские войска снова повели наступление на восточном фронте на кокандские укрепления, захватив в конце августа 1860 года Токмак и после массированного орудийного обстрела 3 сентября 1860 года – Пишпек. Затем эти города были сданы, но царские отряды вновь овладели ими в 1862 году. Среди азиатских пленников, взятых в Пишпек, как и в Дин-Кургане в 1862 году, было несколько русских дезертиров. Яны-Курган пал в сентябре 1861 года, Аулие-Ата – 4 июня 1864 года, а город Туркестан – 12 июня 1864 года в ходе продвижения русских с целью установить новую границу между оккупированной и свободной азиатской территориями.

К середине 1864 года Коканду удалось, хотя и запоздало, изменить характер боев с русскими войсками, приобретя орудия лучшего качества и освоив применение фугасных снарядов. Большой отряд кокандцев в июле 1864 года окружил в Ак-Булаке подразделение русских, двигавшихся в Чимкент, и отступивший русский командир вывел свои войска благодаря лживому обещанию сдать город Туркестан Коканду. Он сообщал: «После полудня кокандцы установили на возвышенности три орудия, и первый снаряд, достигший нашего лагеря, произвел ошеломляющее впечатление. Он взорвался, и каждый понял, что мы имеем дело с противником, какого армия еще не встречала на Сырдарье». Это был тот самый бой, который побудил

муллу Алимкула выдвинуть процитированное ранее требование, что русские должны принять ислам или умереть.

Вскоре будущий генерал М. Г. Черняев, наступая в восточном секторе русского фронта, попытался захватить Чимкент, но также встретил упорное сопротивление его защитников и сильных подкреплений во главе с неуступчивым муллой Алимкулом. Наконец, Чимкент пал 22 сентября 1864 года.

Воодушевленный успехом, Черняев быстро двинулся на Ташкент, который русские считали главным пунктом в Средней Азии. Как и в случаях с Акмешитом и Чимкентом, первая попытка сорвалась. Войска Черняева были отброшены с большими потерями, и он отступил к Чимкенту. Но весной 1865 года произошло событие, которое предрешило конечный исход борьбы. 9 мая был убит во время решающего сражения мулла Алимкул, все еще командовавший войсками Коканда и бывший регентом кокандского трона. Хотя последовавший 7 июня 1865 года штурм русскими Ташкента был отбит, кокандцы без воодушевляющего командования, видимо, утратили в большой степени свою боеспособность.

Распространенная местная легенда о битве за Ташкент приписывает гибель муллы Алимкула не действиям противника, но предательству некоторых его сторонников. Этой версии верят не только потому, что в то время Ташкент отличался ожесточенным соперничеством между кокандцами, бухарцами и примиренцами, но и потому, что влиятельные жители Ташкента, недовольные правлением Коканда, сдали врагу город, насчитывавший 60–80 тыс. населения. Абдуррахман-бек, правитель восточного района Ташкента, и Мухаммад Саатбай, богатый торговец, в критический момент передавали в 1864 и 1865 годах генералу Черняеву информацию относительно обстановки и обороны города.

Сторонники ориентации на Россию сыграли определенную роль в достижении сравнительно быстрого захвата Ташкента. Особенно во время штурма, когда царские войска овладели стеной города, Мухаммад Саатбай и его сторонники призвали ташкентцев прекратить сопротивление и способствовали сдаче города.

Торговая экспансия

Как бы ни шокировало такое предательство, торговцы неизбежно оказывали сильное влияние на военные и иные отношения между Средней Азией и Россией, поскольку тогда, как тысячу лет прежде, экономические связи имели большое позитивное значение для двух регионов. Во многих отношениях характер торговли, способы доставки товаров, расположение торговых центров и ассортимент товаров оставались, по существу, теми же, что в IX и X веках. Более того, такие центры, как Бухара, Хорезм (Хива), Коканд и в меньшей степени Ташкент, служили перевалочными пунктами для транспортировки товаров, главным образом на восток и запад, но также на север и юг.

Поначалу торговля России с Азией осуществлялась на Средней Волге, на Каме и в городе Итиль рядом с устьем Волги. Булгары служили посредниками в коммерческих операциях между ними. Здесь, на рынках, тысячи местных булгар, бухарцев, хазар, хорезмцев и других мусульманских торговцев встречались с уроженцами Скандинавии, России и стран Восточной Европы для товарного обмена. Торговцы Средней Азии привозили ткани – тонкое сукно, шерсть и шелк, а также рис, сухофрукты, металлическую посуду. Взамен торговцы, особенно из Хорезма и Бухары, увозили славянских рабов, меха, кожи, древесную кору, соколов для охоты, мед, моржовые клыки, орехи, свечи и другие товары. Большинство товаров азиаты покупали за наличные, рассчитываясь с русскими, которые не чеканили собственных монет, серебряными саманидскими дирхемами.

Чтобы достичь Итиля и булгар, купцы пересекали степи и пустыни в северо-западном направлении от Аральского моря в составе караванов, которые насчитывали от нескольких

десятков верблюдов и лошадей до крупных формирований. Так, например, религиозная и торговая миссия в 922 году в Булгарию из Бухары состояла из трех тысяч вьючных животных и пяти тысяч человек. Другой маршрут связывал Итиль с Хорезмом лодками по Каспийскому морю и караванами по берегу до Джурджании (Ургенча). Для русских Булгария в X веке была не только факторией, но и базой снабжения, регулирующей торговлю с севером Восточной Европы. Независимо от политических превратностей, важность ее местоположения, а ранее ее посредничество в торговле с Азией, сохранялась даже в середине XIX века, долгое время после того, как Казань приняла функции старой Булгарии в качестве средоточия торговли.

Временный спад в торговых отношениях из-за монгольского нашествия был быстро преодолен в связи с заинтересованностью монголов в развитии прибыльной караванной торговли. В это время экономика Мавераннахра временно была связана с Россией, сначала в правление хана Батия (пр. 1251–1255), а затем – хана Берке (пр. 1256–1266), оба – потомки Чингисхана (пр. 1206–1227). Во время правления хана Берке русские данники, как и жители наиболее населенных азиатских районов, испытывали домогательства опытных сборщиков дани из Хорезма и Бухары (баскаков), которые использовались властями вновь образовавшегося единого владения. Русские сильно негодовали против этих баскаков. В нескольких русских городах население в 1262 году и в дальнейшем бунтовало против сборщиков дани, убивая или изгоняя их. После захвата монголами Ургенч, столица Хорезма, быстро восстановил свою роль населенного коммерческого города, и ко времени прибытия туда Ибн-Батуты в 1333 году это был «самый большой и самый прекрасный город тюрок». Сарай-Берке, располагавшийся близ современного Волгограда, а тогда бывший столицей правителя Золотой Орды Узбек-хана (пр. 1313–1341), являлся также оживленным рынком для торговцев из Азии и России. Примечательно, что в то время торговые караваны проходили в полной безопасности, без военного сопровождения, между главным городом Узбек-хана и Хорезмом, северную часть которого он также контролировал.

Но это спокойное ведение торговли оказалось недолговечным. Когда Узбек-хан умер, Золотая Орда и, следовательно, Россия лишились твердого руководства, способного регулировать политические и торговые дела. В обстановке властной неразберихи в Золотой Орде в середине XIV века тысячи русских разбойников, которых раньше сдерживали золотоордынские ханы, принялись терроризировать русские селения и порты в Каспийском море. В ходе набегов на Нижегород (Нижний Новгород) и другие города в 1366–1375 годах разбойники, внезапно нападая, захватывали азиатских купцов, убивали их и грабили их лодки, доставлявшие славян на рабовладельческие рынки в Булгарию и Хаджитархан (Астрахань).

В то время как русские разбойники из Новгорода совершали свои рейды на Волгу и парализовали там торговлю, так же как во всей Булгарии, Тимур в Средней Азии стал вторым с XIII века властителем, способным повлиять на весь спектр отношений двух регионов, включая торговлю. Его главным воздействием на экономическую жизнь было завоевание Булгарии и разрушение в период между 1388 и 1395 годами основных торговых центров Золотой Орды, включая Ургенч, Сарай-Берке, Астрахань, Каффу в Крыму, Азов, Северный Кавказ. Таким образом, за семь лет Тимур вывел из строя все важные промежуточные рынки между Россией и Средней Азией. На отношения между Средней Азией и Россией повлияло также вооруженное вторжение Тимура в Россию с целью разгрома в 1395 году Тохтамыша. В результате он еще больше ослабил власть Золотой Орды над русскими, подарив таким образом большую политическую независимость России.

Империя Тимура распалась при Тимуридах, которые следовали его политике под усиливающимся давлением кочевых узбеков из степей к северу от Сырдарьи. После узбекского завоевания региона в конце XV века он вскоре распался на отдельные узбекские ханства. Между тем враждующие князья на Руси постепенно попадали под власть Москвы. В конце XVI столетия два региона фактически поменялись местами.

Затем стали восстанавливаться государственные связи для активизации торговли между Средней Азией и Россией. По инициативе Московской компании в Лондоне миссия Энтони Дженкинсона в 1558–1559 годах осуществляла в Азии коммерческую деятельность в интересах англичан, равно как выполняла дипломатические функции по поручению русского царя Ивана IV (Грозного – 1533–1584). Дженкинсон обнаружил, что Астрахань под властью русских занималась мелкой торговлей. Он прошел в составе каравана из тысячи верблюдов от каспийских берегов до Ургенча и Бухары (вернулся тем же путем с 600 вьючными животными). Дженкинсон сообщил, что Ургенч разорен гражданскими войнами, заставившими торговцев уйти на другие рынки. Бухара, хотя и оставалась ведущим коммерческим центром Средней Азии, к тому времени могла мало что предложить искушенным европейцам, о чем и свидетельствовал Дженкинсон: «Ежегодно в город Бухару прибывает много купцов, которые следуют в составе больших караванов из соседних стран, таких как Индия, Персия, Балх, Россия и многих других, а временами приходят из Китая... Но эти купцы столь бедны и привозят столь малое количество товаров, тратя два или три года на их продажу, что не остается надежды на приличную торговлю, достойную, чтобы ею заниматься».

Как и пять веков прежде, русские торговцы доставляли в Азию кожи, сукно, деревянные суда, овчину и другие товары. По наблюдениям Дженкинсона, они получали взамен старую хлопковую ткань, шелк и красители, а также товары, как правило привозимые в Бухару из Индии или Персии. Для России гораздо важнее торговли была, видимо, помощь, которую Дженкинсон оказал становлению отношений Средней Азии и России, – доставка в Москву представителей Хивы, Бухары и Балха. Он также выкупил и вернул царю 25 русских, обращенных в рабов. Оба этих поступка, несомненно имевшие для Дженкинсона, как делового человека, второстепенное значение, способствовали упрочению контактов между властями Средней Азии и России.

Основные изменения в экономических связях происходили в XVI веке в результате овладения Россией главными промежуточными торговыми плацдармами между Казанью, Астраханью и Сибирью. Вскоре после того, как эти плацдармы перешли в русское владение, азиатские купцы вновь их заполнили, торгуя на местных базарах. Но в первой половине XVII столетия, как и в XIII веке, во время монгольского нашествия, на этот раз вбили клин между Россией и Средней Азией калмыки, что особенно в 1620-х и 1630-х годах дезорганизовало передвижение караванов по сухопутным и водным торговым путям.

Хотя ханы пытались сотрудничать с русскими, желая защитить торговлю от калмыков, власти России занимали в этом отношении пассивную позицию. Более того, они сами создавали дополнительные трудности хивинским купцам. Капитаны царских кораблей не разрешали им проход в Астрахань из Каспийского моря, если караваны пересекали пустыню из Ургенча, чтобы выгрузиться в Карагане.

Жалобы на такое положение составили основное содержание официального послания царю на чагатайском языке, направленного Исфандияр-ханом (пр. 1623–1642) из Хивы. В нем хан сетовал на то, что, в отличие от русских купцов, которые без препятствий торгуют и путешествуют в его владениях группами по 40–50 человек, хивинские торговцы подвергаются домогательствам капитанов Русского моря. Капитаны требуют от них продавать товар ниже стоимости или препятствуют им передвигаться. Хивинские торговцы, говорилось в послании, облагаются также властями Астрахани непосильными и незаконными пошлинами. Царь распорядился прекратить такую дискриминационную практику.

Эти события в коммерческой жизни и на полях сражений с кочевниками являлись не единственными препятствиями торговле между Средней Азией и Россией в XVII веке, ибо российские власти в то время, видимо, впервые использовали санкции против азиатских купцов на территории империи, чтобы повлиять на дипломатические отношения сторон. В раздражении против крайне невежливого приема, оказанного русскому посланнику, царь в 1623

году арестовал торговых представителей из Хивы и Бухары, конфисковал их товары и сократил размеры суточных, обычно им выплачиваемых. Такая мера вредила торговле почти два десятилетия, но Россия использовала подобное средство еще не раз, руководствуясь скорее гневом, чем мудростью.

После бесплодных военных авантюр против Хивы в 1714–1717 годах царь Петр Великий снова прекратил торговлю, однако русский посланник в Бухаре Флорио Беневени в 1721 году посчитал, что запреты больше вредили России, чем Хиве, поскольку ногайцы и татары продолжали контрабандную торговлю русскими продуктами. Они доставляли товары контрабандным путем без пошлины из Саратова и Астрахани в Хиву. Большое число караванов занимались транспортировкой тайком даже тех товаров, экспорт которых был запрещен, – оловянной посуды и ружейных стволов.

Против торговых представителей Хивы были вновь применены репрессалии в 1754 году, когда русские власти арестовали всех хивинских купцов в Оренбурге с целью заставить Хиву освободить русских торговых представителей Я. Гуляева и Данилу Рукавкина. Опять же в 1836 году более 570 хивинских купцов были задержаны в России, их товары на сумму 1,4 млн рублей конфискованы в знак протеста против торгового ущерба и других неприятностей, но эти меры, по признанию самих русских, не способствовали улучшению отношений с Хивой.

Усилия русских властей по регулированию торговли с Азией вскоре после основания Оренбурга (1735) приняли форму разрешения царской коммерческой организации торговать через Бухару с Индией. А в 1762 году в Астрахани получила официальное одобрение на подобную деятельность другая компания с эксклюзивным правом русскому купечеству торговать с Персией, Хивой и Бухарой. Хотя этот шаг был оформлен специальным указом Екатерины Великой, он оказал незначительное влияние на торговлю. Инициатива сохранялась за азиатами, которые в период 1675–1678 годов после безуспешных попыток убедить Россию построить торговый город на полуострове Мангышлак начали понимать, что хивинские, бухарские и другие местные торговцы могли бы доминировать в торговле с Россией на караванных путях своего региона. Затем, будто сговорившись, казахские, туркменские и ханские торговцы стали отговаривать странствующих русских купцов от ведения дел в азиатском регионе, в то время как сами продолжали брать под свой контроль рынки импортной и экспортной продукции внутри России, а также на собственных территориях. Хотя русские тоже попытались в 1823 и 1837 годах конкурировать с азиатами, предложив создать специальные торговые монополии для ведения совместных дел, их меры не дали эффекта из-за очевидного превосходства в предприимчивости бухарцев и хивинцев.

До конца XVIII столетия угрозами грабежей и насилия, а также посредством дискриминационных пошлин, иногда превышавших втрое пошлины, которые выплачивали мусульманские торговцы, большинство русских купцов были буквально вытеснены из прибыльной караванной торговли в ханствах. Поставки товаров, предназначенных для Средней Азии, часто передавались под ответственность татарских подданных царя. А татары, которых русские торговые дома часто использовали в своих интересах, тайно работали на себя вопреки кредиторам или нанимателям, а иногда скрывались вместе с товарами, доставленными на рынок, чтобы открыть на постоянной основе свою лавку в Ташкенте или Бухаре.

Трудно сказать, почему русские купцы упорствовали в стремлении продавать свои товары на азиатских базарах в столь непростых условиях. Частота их сообщений о коммерческих убытках заставляет предположить, что их потери были не такими значительными, но они афишировали подобные потери, чтобы отпугнуть конкурентов, уменьшить царские налоги и в конечном счете заручиться поддержкой властей в виде субсидий на защиту от возможных финансовых рисков, связанных с их торговыми предприятиями. Скептицизм относительно жалоб русских купцов, видимо, можно объяснить тем, что благодаря Оренбургу Россия, как утверждалось, с 1787 по 1790 год обеспечила себе торговые преимущества по сравне-

нию с Хивой и Бухарой, поскольку получала товаров на большую сумму в рублях, чем посылала их в Среднюю Азию. Большинство данных опровергает утверждение, будто Россия получала больше, чем отдавала. Однако бартерная торговля через некоторые пограничные пункты, подобные Оренбургу, явно давала преимущество русским. Если не учитывать торговлю через аналогичные пункты – Троицк или Астрахань – и те, которые управлялись сторонами совместно. Если не обращать внимания на этническую принадлежность торговцев, фактически вовлеченных в такую торговлю, игнорировать параллельный поток золота и серебра между двумя регионами и пренебречь косвенным импортом, экспортом и другими факторами, относящимися к определению торгового баланса конкретных стран. Торговля с ханствами в середине XIX века составляла всего лишь 6 % импорта и 4,2 % экспорта, а сделки с казахами достигали 13 % импорта и 16,5 % экспорта России в торговле с ее восточными соседями. По общему признанию, торговля со Средней Азией имела важное значение для части территории России к востоку от Волги.

Для Средней Азии, однако, торговля именно с Россией, судя по всему, была гораздо более существенной. Хива, например, не будучи зависима от русских рынков, торговала с Бухарой, Кокандом, Персией и Афганистаном, но торговля ханства с Россией в 1800 году считалась самой удобной и наиболее прибыльной. Настойчивое стремление хивинцев торговать с Россией подтверждает мнение, что торговля с русскими была для них крайне важной. Таможенные документы всех юго-восточных торговых пунктов свидетельствуют, что в конце XVIII века, а возможно, и ранее Средняя Азия имела существенные преимущества в торговле с Россией. Около 1794 года бухарцы и хивинцы, доминировавшие в коммерческой активности, продавали ежегодно царской империи товаров примерно на 2 млн рублей, в то время как империя продавала азиатам товаров лишь на половину этой суммы. И такое соотношение не менялось в первые десятилетия XIX века. Как показывает таблица 1.1, в середине этого столетия торговый баланс продолжал складываться в пользу ханств.

Таблица 1.1

Торговля России со Средней Азией (без Казахстана) в рублях, 1840–1867 гг.

	Из Средней Азии		В Среднюю Азию	
	Вся торговля	Торговля сырым и обработанным хлопком	Вся торговля	Торговля обработанным хлопком
1840	1 655 000	1 302 000	1 164 000	519 000
1845	1 304 000	926 000	873 000	314 000
1850	1 263 000	1 025 000	812 000	423 000
1855	1 885 000	1 184 000	757 000	351 000
1860	2 324 000	1 349 000	1 920 000	1 015 000
1864	7 699 000	6 931 000	4 740 000	2 395 000
1865	4 704 000	3 897 000	3 775 000	2 380 000
1867	8 504 000	6 030 000	10 275 000	6 952 000

Источник: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией в 40–60-е годы XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 50–69.

Масштабы торговли Казахстана с ханствами, равно как и его экспорт в Россию вплоть до 1867 года, очевидно, не были установлены, частично потому, что в течение первой половины XIX века русская армия захватила многие позиции в казахских владениях. Фактически это превратило пространства казахских степей во внутреннюю торговую зону империи, хотя царская таможенная торговая граница официально не была передвинута южнее линии Сырдарьи до 1868 года. Такая административная акция сняла пошлины с товаров, вывозимых из Туркестанской губернии в Россию, с целью защитить русскую торговлю. Она также поставила запрет импорту английских и других западноевропейских товаров через среднеазиатские ханства и Туркестанскую губернию на территорию России.

Транспортировка товаров между Средней Азией и Россией в Новое время осуществлялась верблюжьими караванами по тем же самым древним маршрутам, которыми пользовались в X веке. Позже возникли вариации в связи со сдвигом пограничных застав России на юг от Булгарии и Тобольска к Оренбургу и Троицку. Хива продолжала посылать и принимать некоторых торговцев из Мангышлака и обратно морем, но большинство торговцев шли по суше через реки Урал и Эмба в Астрахань и из нее на север в другие пограничные города.

Товары, с которыми имели дело эти купцы, мало отличались от прежних. Бухара, самый крупный торговый центр, как и во все времена, экспортировала в 1840 году в Россию главным образом хлопок, муслин, шелк, шелковую одежду, шали, сухофрукты, рис, индиго, бирюзу и тибетейки. Взамен русские поставщики экспортировали в Бухару, в основном через бухарских торговцев, ситец, коленкор, муслин, шелковую ткань, парчу, кожи, некоторые железные и чугунные изделия.

Значение хлопка (см. табл. 1.1), как сырого, так и обработанного, сукна и ниток, возросло из-за Гражданской войны в США, в результате которой были перекрыты источники снабжения России. В 1865 году хлопок занимал по стоимости 74 % всей учтенной торговли. Экспорт сырого хлопка из Средней Азии в Россию вырос до 74,1 % общего объема экспорта хлопка из этого региона, а экспорт обработанного хлопка упал до 8,7 % от общего объема экспорта с 55,1 % в 1840 году.

Торговцы-азиаты перешли с бартера на наличные деньги. В результате отток золота и серебра из России в Среднюю Азию резко возрос, особенно в 1830-х и 1940-х годах, достигнув почти 4 млн рублей в 1863 году. Царские власти, жаждавшие добраться до азиатского золотого запаса со времен Петра Великого, испытывали сильное давление со стороны русских купцов, требовавших прекратить экспорт денег. Ибо, по мнению купцов, отток денег в Бухару и Хиву представлял собой единственное главное препятствие развитию русской торговли в этом регионе. Царские дельцы смекнули, что большая ликвидность, приобретенная в российских металлических рублях, позволяла азиатам активно противостоять наиболее опасным конкурентам – иранским и индийским торговцам, продававшим английскую мануфактуру и требовавших наличность за свои изделия. В целом русские купцы, видимо, не смогли преуспеть на открытых среднеазиатских рынках, где бухарцы, хивинцы и в меньшей степени кокандцы процветали, пока Средняя Азия оставалась независимой благодаря успешной конкуренции с Нижним Новгородом и другими русскими городами.

Рабы и пленники

Удрученное сверх меры провалами в торговой конкуренции и связанной с ней дипломатией, российское руководство сосредотачивало все больше внимания на одном аспекте торговли в Средней Азии, который был совершенно не связан с получением прибыли, но был оскорбителен по своей сути. Речь идет о работорговле. Выбор царскими властями этого аспекта для порицания вызвал любопытный виток событий, ибо сама Россия, даже помимо крепостного права и учреждения свободных крестьян (смердов), имела древнюю и устойчивую тради-

цию домашнего рабства и торговли иностранными рабами, которая сохранялась и в XIX столетии.

Князья Киевской Руси считали торговлю живыми людьми одним из главных источников своего благосостояния и продавали рабов в Византию, покупателям с Востока, как и европейцам минимум с IX века. Рабы ценились князьями не только как товар на экспорт, но являлись чрезвычайно важным источником рабочей силы внутри страны. Киевские правители добывали рабов главным образом в междоусобных конфликтах или в войнах с азиатскими кочевниками. Булгария и Итиль в древние времена были настоящими рынками рабов, а значительно позднее их функции унаследовали Казань и Астрахань. В 1559 году, когда Энтони Дженкинсон выкупил и привез Ивану IV нескольких русских, долгое время пребывавших в рабстве в Средней Азии, он убедил царские власти признать хорошо известный факт порабощения русских подданных мусульманами. Работоторговля в России XVI века сделалась государственной индустрией, уступающей по важности лишь монополии на экспорт серебра и золота. В городах Касимов, Переяславль-Рязанский (Рязань), Нижний Новгород и Свияжск выставлялось на продажу большое число рабов. Действовало только одно определенное ограничение: этнических русских нельзя было продавать в рабство иностранцам и нельзя было покупать иностранных христиан.

К XVII веку Тобольск и Астрахань стали главными рынками рабов в России. Царь, осуществляя монополию на экспорт рабов, часто жаловал грамоты на разрешение азиатским купцам покупать рабов в России для Хивинского ханского двора. В то же время определенное число людей из разных регионов Азии служили холопами в России, рабское население которой резко возросло в XVII столетии. В их труде особенно нуждались в русских степях. Хотя русские купцы устраивали засады для азиатов и продавали их в России, поставщиками многих рабов были казахи или сами бухарцы, которые пригоняли калмыков или представителей сибирских племен на российские рынки для продажи. Религиозная принадлежность человека часто играла решающую роль в вопросе, можно ли его продать в рабство за границу.

Петра Великого осуждали в 1706 году за разрешение продавать шведских пленников туркам. Это говорит о том, что просьба бухарского посла в 1717 году предоставить «девять шведских девушек» для его хана, возможно, не осталась без удовлетворения. Точно так же, как русские православные считали возможным продавать христиан других религиозных течений в качестве рабов мусульманским «неверным», сунниты Средней Азии проявляли склонность обращать в рабов персидских мусульман, захваченных во время набегов туркмен.

Хотя правители ханств, возможно, не реагировали на жестокости рабства, они вовсе не оставались равнодушными к тому, что Россия раздвигает свои границы, поглощая большое число мусульман – татар, башкир и ногайцев. То, что единоверцы попадают под власть христиан, обычно не вызывало активного протеста Хивы и Бухары. Однако через дипломатические каналы ханы нередко возражали против настойчивых требований России освободить порабощенных российских пленников, поднимая вопрос об освобождении мусульман от русского господства. Об этом свидетельствует энергичная нота бухарского хана Надира Мухаммада (пр. 1642–1645) русскому царю: «Вы писали нам, чтобы мы освободили и отослали в Россию русских людей, пленников, которые находятся в Бухаре и наших других городах, и либо отбывают свои работы, либо не отбывают, и которые живут в неволе. Но нам известно о том, что в вашем государстве находятся, по воле Бога, многие люди ногайских мирз и их улусов по мусульманскому закону. Мы – мусульмане, ногайцы – мусульмане тоже. И ногайские мирзы кочевали рядом с нашими предками, и жили в дружбе и любви между ними. Теперь же мы просим вас тоже отдать приказ разыскать и отправить свободными в наше государство пленников-ногайцев, которые находятся в вашем государстве, и когда вы... совершите этот благодатный поступок, мы тоже разыщем всех русских невольников в нашем государстве и освободим их».

Москва решительно отвергла предложенный обмен, но бухарцы и хивинцы в разное время тем не менее прилагали усилия, иногда небезуспешно, к освобождению своих подданных, которые, особенно в XVIII веке, были заключены в тюрьмы или удерживались долгое время другими способами в России.

Одну такую попытку предпринял бухарец Ядигер Махлер Муглы Алимов, который в 1730 году привез от своего суверена требование, чтобы Россия освободила двух знатных мусульман, которые находились, согласно петиции, в заточении в течение 15 лет. Более того, российские власти указом от 28 января 1767 года специально санкционировали захват путешественников из Средней Азии, чтобы содержать их в качестве заложников для обмена на русских пленников. В 1840 году царские власти, сочетая дипломатические, экономические и военные угрозы, высказанные Мухаммадом Шарифом Аитовым, татарским офицером царя, вынудили хивинского хана вернуть более 400 русских пленников и запретить торговлю ими. Ташкент освободился от всех русских рабов к 1865 году – ни одного из них не было обнаружено, когда царская армия овладела городом окончательно.

Когда русский представитель выражал публичное возмущение по поводу порабощения русских в Средней Азии, рабство продолжало тайком практиковаться в Сибири (до 1825 г.). Оно не исчезало и вдоль русско-казахской границы. Там покупка юных казахских девушек русскими солдатами разрешалась по закону с 1808 года, и такие сделки происходили в Оренбурге минимум до 1818 года. В период между 1750 и 1850 годами участвовавшие случаи похищения детей и работорговли, которыми занимались казахи, туркмены, хивинцы и бухарцы, объяснялись общим ухудшением экономического положения. Так как царские чиновники применяли против них жесткие санкции, конфискуя товары и арестовывая торговцев, обнаруженных в России, эти потери в сочетании с уже обострившейся аграрной проблемой подталкивали азиатов к работорговле еще больше. И особенно к похищению русских вдоль границ, поскольку за них можно было получить более высокую цену или выкуп, чем за персов.

Учитывая эти традиции и практику рабства и работорговли как в Средней Азии, так и в России, а также то, что крепостное право сохранялось в России вплоть до 1861 года, следует на время выйти за рамки этого вопроса, чтобы понять, почему российские власти в разные времена, начиная примерно с конца XVI или начала XVII века, впадали в ярость, когда русские подданные попадали в рабство в Бухаре и особенно в Хиве. Религиозные различия уже упоминались как одна из важных причин. Иногда приводились гуманитарные причины. Нет также сомнений, что потеря значительного количества рабочей силы подрывала уверенность русского правителя в невозможности его подданным выйти из-под его контроля законным путем. Это была также определенная экономическая утрата, которую империя не могла себе позволить.

Наконец, хотя русские рабы, проданные на рынках Средней Азии в Индию и другие страны, почти забывались, наличие русских, живших в рабстве среди азиатов, которых россияне считали отсталыми и, возможно, второсортными, уязвляло самолюбие русских и вредило их статусу в глазах европейского сообщества, до уровня которого Россия стремилась подняться. Это ущербное тщеславие позднее постоянно выражалось русскими правителями, когда они требовали «преподать уроки» хивинцам и бухарцам или «привести их в чувство», применяя военную акцию.

Пленниками были в большинстве случаев крестьяне, с которыми обычно не обращались жестоко, если они не пытались совершать побеги. Эти крестьяне жили в более худших условиях, а в некоторых случаях гораздо лучших, чем средний русский в своей деревне. Независимо от подлинных мотивов, вопрос об этих рабах, первоначально трактовавшийся обеими сторонами как экономический, приобрел религиозное значение и почти одновременно перешел в дипломатическую сферу. В конечном счете, когда дипломатия не дала результата, этот вопрос спровоцировал войну и завоевание Средней Азии.

Культурный и интеллектуальный обмен

В дополнение к экономическим или дипломатическим инициативам хан проявлял порой интерес к западной цивилизации и техническому мастерству. Московские послы понимали это, сталкиваясь с вопросами религиозной практики, государственного делопроизводства, поведения в обществе и даже индивидуальными привычками русских или европейских правителей.

Разумеется, в течение XVI века, а может и позднее, достижения Средней Азии в литературе, искусстве, архитектуре, музыке, философии, теологии, астрономии, медицине, математике и образовании стояли на одном уровне с Россией или гораздо выше. Так что в этих сферах азиаты могли перенять у Москвы немного. Русские тем не менее ограничивались периодическим сбором военной информации и свидетельств очевидцев, топографических или этнографических данных об этой территории, к подлинным ценностям которой они оставались, видимо, невосприимчивы. Так, помимо обмена швейными изделиями определенных видов, которые в то или иное время становились модными в обоих регионах, или сиюминутного увлечения каким-либо особым деликатесом или напитком других проявлений заинтересованности вплоть до 1700 года, видимо, не было. Русским удалось научить азиатов следовать царскому дипломатическому протоколу в церемониях и переписке (который они сами позаимствовали от Золотой Орды), но это небольшое достижение имело преходящий характер. До реальной конфронтации в начале XVIII века регионы не проявляли большого интереса к литературе и языку друг друга, ни одна из сторон не прилагала больших усилий познакомиться с образом жизни другой.

Когда же русские послы Борис и Семен Пазухины получили в январе 1671 года аудиенцию у хивинского правителя хана Навше (пр. 1663–1687), он заинтересовался потехами царя и обсуждал собственное увлечение соколиной охотой. Позже Пазухины сами развлекались во дворце, когда вкушали за ханским столом из золотой посуды, перед тем как лицезреть танцы и услышать исполнение песен из книги весьма необычного вида.

В 1675 году бухарский правитель сделал попытку познакомиться с западной музыкой, отправив посла Хаджи Фарика в Москву за органом и органистом. За сто лет до этого в доме бухарского посла в Москве исполнители восточной музыки произвели на соседних жителей неблагоприятное впечатление. Они возмущались «шумом», производимым бухарцами, и настояли, чтобы музыканты вместе с послом переехали в другой район Москвы.

Ханы и царь долго зависели от информации, полученной от гостей. В XIX веке, когда русский посланник, капитан Никифоров, был представлен хану Алла Кули (пр. 1825–1843), хан потратил много времени на расспросы о внутренних делах России и уделил особое внимание международным отношениям между Турцией, Россией, Англией, Китаем и другими государствами. Кроме ответов общего характера, русский посланник дал хану конкретный совет относительно контактов Хивы с Англией:

«Хан. Ходят слухи, что англичане готовятся оккупировать Балх.

Никифоров. Я этого не слышал, но если они собираются, то сделают это...

Хан. Вы советуете мне быть в мире с ними, но мои друзья Эббот и Шекспир [английские офицеры] рекомендуют мне не мириться с русскими.

Никифоров. Повторяю еще раз, что для вас опасны как дружба, так и вражда с англичанами. Эти люди коллекционируют страны. В последние 75 лет они подчинили себе 150 млн человек в Индии... Они овладели Кабулом и приблизились почти на 500 миль к Герату. Эти люди очень опасны для Хивы.

Хан. Но мне нужно защитить Балх.

Никифоров. Этого вам не удастся, но вам лучше защитить себя и свой народ от английской державы, заключив прочный союз с Россией.

Хан. Царь пошлет войска защищать меня?

Никифоров. Для этого достаточно одного слова, и в послании Его Величества тот факт, что вы в союзе с Россией, будет объявлен».

Не только хивинские горожане, но и казахские кочевники черпали знания о новой европейской жизни из сообщений русских. Подобная информация касалась главным образом техники, новшеств и промышленных открытий Запада. Размышления о такого рода связях с отсталыми кочевыми территориями к югу от России Фридрих Энгельс изложил Карлу Марксу в 1851 году в письме, которое часто цитируется, чтобы оправдать прошлые и дальнейшие мероприятия России в этом регионе. Энгельс писал: «При всей своей подлости и славянской гадости русское господство представляет собой цивилизационное явление... в Азии». Такая «цивилизация», однако, редко оказывала влияние на большие центры Средней Азии ко времени падения Ташкента.

Дипломатические отношения: ханства

Если список соглашений и переговоров примерно на рубеже XVIII столетия, когда политика вновь стала занимать важное место в дипломатии между Средней Азией и Россией, не отвечал реальной ситуации или желанию обеих сторон, то объяснение лежит в некоторой степени в разном подходе к признанию правомочности письменных документов. В том числе договоров между правительствами или людьми. Такое недопонимание приводило к неудовлетворенности России ее дипломатическими контактами.

Еще в давние времена существовал обмен религиозными миссиями между Киевом и Булгарией, Киевом и Хорезмом. Позднее, по окончании монгольского господства над обеими территориями, когда в них функционировало дееспособное самоуправление, также стали развиваться дипломатические отношения. На этих начальных стадиях официальных внешних сношений само существование дипломатической активности зависело исключительно от самих правителей, ибо большинство монархов и князей по необходимости оставались погруженными лишь во внутренние дела.

Только несколько выдающихся деятелей Тимуридов, таких как хан Абу Саид (пр. 1451–1469), султан Хусейн Байкара (пр. 1473–1506) или хан Шейбанид Абдулла, и русские монархи Иван III (1462–1505), Иван IV настойчиво развивали деятельность своих внешнеполитических служб. Неудивительно, что каждый из этих сильных государей выделился также как создатель стабильной власти, покровитель искусств, объединитель империи. Иван III направил посольство, которое в период 1464–1465 годов достигло двора хана Абу Саида в Герате, а в 1490 году миссия Тимуридов прибыла в Москву. В 1480-х годах казахские ханы тоже, видимо, впервые вступили в дипломатические сношения с Москвой.

Эти первые начинания в XV веке меркнут в сравнении с подлинными достижениями в дипломатической деятельности с 1550 по 1599 год, когда минимум 25 посольств из Азии посетили Россию, а царь отправил не менее шести посланников, включая Энтони Дженкинсона, в ханства и к казахам. Хотя само по себе число контактов не раскрывает содержания дипломатической деятельности, но дает представление о том, что азиаты, в частности хан Абдулла, принимали в отношении России, говоря современным языком, дипломатическое наступление.

Россия впервые обратилась к Средней Азии в связи с реальной политической проблемой, вызванной конфликтом царя с союзником Бухары – Сибирским ханством – в конце XVI века. В то время хан Кучум подвергся мощному военному и дипломатическому давлению как России, так и его казахских противников – Хакка Назара (пр. 1538–1580) и Тевеккеля (пр. 1586–1598). Из этого первоначального конфликта интересов возникло соперничество за влияние на казах-

ских кочевников, которое обостряло и без того нелегкие отношения между югом Средней Азии и Россией вплоть до завоевания Сибирского ханства. Проблема так и не разрешилась дипломатическим путем. Из-за внутренних распрей среди казахов, а также напряженных отношений между ханствами и казахами предводители кочевых племен не могли устоять перед искушением призвать северную державу к интервенции, на что с готовностью отозвалась Россия.

В 1594 году напряженность между Россией, Сибирским ханством, казахами и Бухарой вновь достигла апогея, когда Тевеккель отправил своего гонца Кул Мухаммада в Россию с просьбой прислать войска, оснащенные стрелковым оружием, для отпора ногайцам и бухарцам, а также взятия его под царскую защиту. На следующий год эмиссар Москвы Вельямин Степанов дал ответ на просьбу Тевеккеля, вручив казахскому предводителю грамоту, в которой провозглашалось, что царь не только пошлет войска со стрелковым оружием в Самару, чтобы казахи могли сражаться с ханами Кучумом и Абдуллой, но также возьмет Тевеккеля и его народ под свое покровительство. Он предостерег его несколько раз против уклонения от такого покровительства.

Хотя Степанов перенес изнурительную поездку верхом в казахское становище и обратно (первый посланец России к казахам в 1573 году был захвачен и убит родственником хана Кучума до прибытия к месту назначения), этот дипломатический обмен имел значение чуть больше, чем создание прецедента. События в конце XVI века в России, особенно во время междуцарствия, вскоре стали настолько тревожными, а обстановка в Средней Азии изменилась столь драматически, что официальные отношения между сторонами на время стали чрезвычайно затруднены. Такая неопределенность, возможно, отчасти объясняет послание в июле 1589 года Бориса Годунова хану Абдулле с требованиями, чтобы документы из Бухары в Россию предварялись полным именем и полным длинным титулом царя и чтобы такое же «уважение» оказывалось самому Годунову.

Еще одним проявлением напряженности между Бухарой и Россией в то время стало, по видимому, задержание в России в 1595 году двух посланников Кутлука Адама и Исена Гильдея вместе с их сопровождением на несколько лет.

За исключением одиночного визита в Москву бухарского посла Аднаша в первый год нового века между Средней Азией и Россией до конца междуцарствия не происходило никаких официальных дипломатических сношений. После 1613 года с кончиной Бориса Годунова и хана Абдуллы они вновь оживились на прежней, коммерческой основе. Очень скоро прибыл посланник из Бухары, чье влияние, очевидно, открыло путь всем будущим связям Бухары и Хивы с Россией.

Адам Бий доставил царю послание от своего правителя Имам Кули-хана (пр. 1611–1642). В нем среди других тем упоминался факт, что крымцы и ногайцы захватили большое число русских пленников и привезли их в Бухару, где Имам Кули выразил готовность передать их любому надежному русскому послу, которого пришлет царь. Русские власти быстро отреагировали на это послание, отправив вместе с Адамом Биём в Бухару нового посла, хотя еще миссия Дженкинсона 60 лет назад сообщала, что в ханствах содержатся в рабстве русские. Незамедлительный отклик на этот раз был вызван, несомненно, тем, что Кули-хан проявил необычную инициативу, подняв вопрос о репатриации русских. Своим поступком, независимо от двойственной политики Бухары по этому вопросу в дальнейшем, хан заслужил благорасположение России и внушил русским, что ответственность за работорговлю несет исключительно Хива.

Начиная с посольства в Бухару в 1620 году И. Д. Хохлова освобождение русских, попавших в рабство, стало для России одной из главных и настойчивых тем дипломатии. И ханы, усвоившие полезность этого способа сбора выкупа, и особенно достижения своих дипломатических целей, использовали его главным образом для извлечения торговых выгод. Фактически и для русских торговля в то время имела большее значение, чем вопрос о пленниках, как показывает приоритет вопросов, указанных в царских инструкциях Хохлову.

Посол Хохлов с большим трудом вернул в 1622 году 31 русского после всевозможных уговоров и, наконец, покупки пленников за наличность, когда дипломатия оказалась бессильной. Тягостные оскорбления, пережитые Хохловым в Бухаре и Хиве, в связи с хлопотами за русских пленников и трудностями проживания в чужой стране, столь обидели русские власти, что по возвращении Хохлова царь приказал задержать Адама Бия и хивинского посланника Махтумбея, сопровождавшего Хохлова вместе с другим хивинцем. Это вызвало разрыв отношений сторон после 1623 года на десятилетие.

Поездка Хохлова имела все-таки положительный результат – посол договорился с ханом Хивы предоставить охранное свидетельство хивинскому царевичу. Царевич Афган Мирза (ум. 1648), сын Араб Мухаммад-хана I, служил при московском дворе и обратился к царю с просьбой послать русские войска для смещения соперничающей политической фракции, которая отстранила его отца от власти. Царевич также обещал в случае успеха борьбы с братьями сделаться подданным царя. Это первое хивинское обращение к царю заступиться за одну местную политическую фракцию, боровшуюся против другой, не получило осязаемой поддержки, но его не забывали, когда поднимался вопрос о «законном праве» России править в Хиве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.